

19 ИЮЛ 1979

ВОЛНУЮЩЕ И ПРОСТО

-У НАС НА ГАСТРОЯХ

«Аида» — популярнейшее сочинение Дж. Верди. Великий итальянский мастер писал ее, приближаясь к своему семидесятилетию; однако, талант его не только не потускнел, но засверкал в этом произведении новыми ослепительными гранями. С первого представления в декабре 1871 года, вот уже на протяжении ста с лишним лет опера не сходит с афиш музыкальных театров всего мира. Может быть, поэтому так трудно порой постановщикам и исполнителям создать впечатление, похожее на ощущение спонтанно — слишком сильна инерция, слишком велик накопившийся круг привычных приемов воплощения и самой темы, и образов, драматических коллизий оперы.

К месту горьковского опенения коллектива, никаких следов рутини, «дежурного» трафарета в спектакле «Анда» нет и в помине. Страстно, волнующе и одновременно просто и немногословно раскрывают постановщики (музыкальный руководитель П. Резников, режиссер постановки Ю. Дадипилиани, художник Б. Мхидж) глубокий драматизм произведения. Казалось бы, знакомы все традиционные атрибуты — силуэты пирамид, графические мотивы настенной живописи и детали быта, выдержанные

в духе эпохи Древнего Египта, наклон, костюмы и чуть условная стилизованная манера сценического движения актеров. И в то же время как свежо и по-новому «заигрывали» они в горьковском спектакле, благодаря ясному, уверенному и целенаправленному замыслу авторов постановки. Как выразительна, например, цветовая и световая палитры. Общий колорит освещения подчеркивает одновременно и душевную, расклеванную под лучами беспощадного солнца атмосферу египетского пейзажа, и напряженный, столь же беспощадный жесткий свет происходящих событий. Цвет, его интенсивность тут же следуют за малейшими сюжетными поворотами, психологическими нюансами.

Изобретательно использован составной супер-знавек, дающий возможность «гибко» менять сценические планы, то максимально сосредоточивая наше внимание на самых интимных переживаниях героев, то вычленив драматургически важный фрагмент, то подчеркивая контрастный переход, от сольных сцен к массовым.

В спектакле нет «общих» мест. Действие разворачивается в стремительном нарастании от кульминации к кульминации, при этом му-

зыка и не сценическое воплощение слиты воедино. Ни на одно мгновение внимание зрителя - слушателя не выключается. Подобно кинокадрам, сменяются сцены, картины оперы, каждая из которых наполнена до краев эмоционально, расколлами, страстью, криком, восторгом, а также и вдумчивым, интуитивным внутренним действием. Хочется отметить богатство динамической палитры оркестра, яркость контрастов, равнообразие нюансировки. Забегая наперед, скажу о том, что исполнители хорошо справились с этой сложнейшей задачей. В опере, как и в симфоническом произведении, с труднейшими партиями этого позднего соуса Верди.

Оригинальные и смелые до замыслов режиссерские решения. Достаточно вспомнить сцену суда над Радамесом, мизансценированную необычно, — но в точном соответствии с музыкально-драматургическим замыслом композитора. А как подробно, до деталей разработаны в сценической партитуре отношения между героями, их неравнодушный, роковой «треугольник»: Айда — Радамес — Амне-рис.

Кстати, именно в ансамблевых сценах, в конфликтном столкновении характеров, темпераментов наиболее ярко проявили себя исполнители главных ролей. Уже в первой сцене — трио, где

още не начавшие психологиче-
ски линии конфликта,
панику, расширяющую
внутреннюю сущность
его ядра. Чист и возвы-
шенный мир Анды
(Л. Зола), цельность на-
родности и отагора при-
сущимесу (В. Балета),
в мучном столкновении
любовности предстает
Амич (Л. Коржакова),
Валюшета сцена Анды и
Амича первой картины
второго. Как трогатель-
но, остро, искренно
дети похитили и как
далекие похитили и
горделиво любуются и
мстят, фараона Египта.
Этотраст ошущам во
всем: интонациях, жес-
тах, Мягкости, ро-
бости: не за судьбу
любуются в репликах,
выра во всем обилие
Амича, интонации, коварны
рецидивы: Амичи-
мстят выведать тайну
любости соперницы, а
каждому и власт-
ноостоятся в чих,
кодровит своей раба-
не.

Абугая, столь же эмоционально насыщенная душой — непримиримый Радамеса и Америкой картины последствий. Здесь кульмина развития образа главаря — мужественный благородного. В этой и далее, в сцене

суда интересно проводит свою роль Л. Коржанова — Амнерис. Ее душевная смятенность, внутренняя борьба не уступает по глубине и страстности мучительным противоречиям Айды и невольно вызывает искреннее сочувствие. Весьма выразительна, раскованна и свободна пластика актрисы.

Не менее ярки в спектакле и персонажи второго плана. А. Правилью — Рамфрис создает образ, запоминающийся своей внутренней силой, теплотой, интеллигентностью, которая особенно очевидна в сдержанной, немногословной сценической игре. Амонсо — царь эфиопский в исполнении В. Степанова, пожалуй, противоположен по темпераменту. Уже одно появление его в сцене не на публику, а восторг зрителей вызывает. Острый психологический акцент в первой картине третьего акта, в сцене с Андой, а потом Радамесом это ощущение драматической напряженности.

Удаче спектакля в значительной мере способствуют массовые сцены, и прежде всего сцена на площади в Фивах. Часто именно здесь постановщики, стремясь внести оживление в действо,

сталкиваются с трудностями. Горьковчане нашли вполне убедительное решение — стилизованные танцы балетной группы органично вписались в скульптурное изображение хоровой массы.

Следует отдать должное и хорошему коллективу театра (хормейстеры Т. Муратов и А. Войтеико). Хоровые сцены на площади, женский хор в палатках Амнерис и хор жрецов на сцене суда прозвучали на хорошем профессиональном уровне, в слаженном ансамбле с оркестром и солистами.

Итак, спектакль «Анда» — безусловная удача горьковской оперной труппы. Неко-

торы шероховатости исполнения, вызванных главным образом акустической неприспособленностью зала драмтеатра, могут быть отмечены так частности, но в целом не мешают общего отрадного впечатления от спектакля. «Анда» на нынешних гастролях торжественная одна из лучших работ, с которой можно только поздравить творческий коллектив театра.

Андрей АЛЕКСАНДРОВ.

На снимке: сцена из спектакля (Аида — Л. Зырянова, Амнерис — Л. Коржакова).

Фото В. Шохина.